

На пятый день ливень не только не прекратился — он стал ещё сильнее.

Глубокой ночью ураганный ветер, смешанный с потоками дождя, словно в ярости пытался разрушить всё вокруг. Двери и деревянные окна распахивались и с грохотом бились о стены, повсюду раздавался скрип и тревожный вой. Люди в доме жались по углам, хмурые, беспомощно повторяя: что же теперь делать?

Чжан Мэйлинь и Тянь Ваньсин спали в той самой кладовой у задней комнаты, где раньше жил Хэ Бянь. Ещё в первый день дождя по основанию стен пошла течь. Теперь же внутри всё превратилось в сплошную грязную жижу: летняя жара смешивалась с тяжёлым зловонием, а постель отсырела так, будто её бросили в выгребную яму.

Раньше им казалось, что Хэ Бянь просто капризничает, но теперь, оказавшись в этих условиях, они сами не могли перестать жаловаться — страдание стало невыносимым.

Однако им было не до собственного дискомфорта. Их больше тревожило, что, увидев всё это, Хэ Бянь может вспомнить своё прежнее унижение и захочет отомстить им — матери и сыну.

Поэтому, раз уж в такую ночь от шума дождя всё равно не уснуть, Чжан Мэйлинь тихонько поднялась и решила сварить куриный бульон. Она надеялась заслужить этим похвалу перед Хэ Бянем: даже если тот, вспомнив прошлое, вспыхнет гневом, всё равно найдётся кто-то ещё, ленивый и бесполезный, на кого этот гнев обрушится.

Кто бы мог подумать, что, пробираясь в темноте на кухню, она вдруг увидит у двери промокшую насквозь тёмную фигуру, держащую в руках мокрую, словно из воды вытащенную, курицу. Чжан Мэйлинь решила, что это вор, и уже собиралась закричать, но тот, стиснув зубы, прошептал:

«Мама, это я! Разбудишь Хэ Бяня! Тебе жить надоело?!»

Когда в печи разгорелся огонь, мать и сын посмотрели друг на друга — и в этих взглядах ясно читались плохо скрытая неприязнь и расчёт.

Оказалось, оба хотели втайне выслужиться.

И вот столкнулись в одном месте.

Вдвоём дело пошло быстрее. Глядя на ловкие движения Тянь Ваньсина, Чжан Мэйлинь не удержалась от упрёков:

«Раньше тебя и кормить приходилось прямо у постели, а теперь гляди-ка — какой стал старательный и заботливый Хэ Бянь у тебя теперь как предок, которому ты поклоняешься. Видно, за грехи всей жизни расплачиваешься».

Она всё бубнила и отчитывала сына, а тот, безучастно рубя курицу, лишь вспоминал, как стоял на коленях в холодном, тёмном храме предков — и от одной этой мысли его бросало в дрожь. Он не хотел больше переживать такую пытку.

Грянул гром, вспышка молнии рассекла ночь за окном — ослепительный свет на мгновение озарил комнату, и мать с сыном оцепенели от ужаса. Чжан Мэйлинь поспешно сложила руки в поклоне и стала молить о пощаде — чтобы её не наказали, ведь она уже осознала свою вину.

Затем Чжан Мэйлинь сердито накинулась на Тянь Ваньсина:

«Не можешь рубить курицу потише? Если разбудишь Хэ Бяня, я из-за тебя тоже пострадаю!»

Тянь Ваньсин и сам почувствовал тревогу, переживая, что не сдержал силу. Но, подумав о бушующем ветре, проливном дожде и раскатах грома, будто разрывающих барабанные перепонки, решил: Хэ Бянь, наверное, всё равно не спит.

И действительно — тот вздрагивал от грома, метался от тревоги под шумом дождя. В прошлой жизни на пятый день уже распогодилось, но сейчас ночной ливень ничуть не ослабевал. Мысли сами собой уносили его всё дальше — как он будет объясняться перед деревенскими?

Чем больше он думал, тем сильнее путались мысли и нарастал страх. Он заставлял себя уснуть — вот заснёт, проснётся, и небо прояснится. В конце концов ему это удалось, но в полусне его вновь настиг кошмар: деревенские толпой набрасываются на него; затем возвращается плотник Тянь с большим топором и разрубает его пополам, подвешивая под балкой, как кусок свинины.

Он был мёртв, но невыносимая боль всё ещё терзала его плоть, душа продолжала страдать.

Грянул оглушительный гром.

Хэ Бянь вскрикнул во сне и очнулся. Он машинально протянул руку — и в темноте коснулся другой, протянутой к нему ладони.

Рука была грубой, широкой, с толстыми мозолями — рукой человека, знавшего тяжёлую жизнь, совсем не такой, как безучастное выражение её хозяина. Стоило Хэ Бяню ухватиться за неё, как из ладони потёк тёплый, успокаивающий поток, разливаясь по всему телу. Постепенно это тепло превратилось в надёжное убежище, и даже раскаты грома за окном стали казаться далёкими, глухими ударами барабана.

Так спокойно, так уютно... Это было тем теплом, о котором он раньше только мечтал, но которое было недостижимо; тем, чего он никогда прежде не испытывал.

Ощущение было таким нереальным, будто сон, и он не хотел, чтобы оно исчезло. Сон снова накрыл его, и перед тем как окончательно потерять сознание, он крепко сжал источник этого тепла — почти бессознательно его пальцы переплелись с чужими.

У Чжоу Ци в груди что-то дрогнуло.

Он смотрел на их сцепленные пальцы: рука Хэ Бяня была такой худой и маленькой, но упорно заполняла промежутки между его пальцами, будто он — единственный человек во всём мире.

В этом чужом мире он обрёл точку опоры.

В своём звёздном мире его жизнь была долгой, почти бесконечной, но с самого начала она состояла лишь из однообразных убийств и разрушений. Он устал от этого и уничтожил всё — даже тех высокомерных аристократов, что стояли над всем. Теперь же, в этом отсталом и пустынном мире, он впервые почувствовал радость — заботиться о хрупком ростке.

Хэ Бянь провёл ночь спокойно и проснулся сам, когда выспался.

В последнее время ему часто снился один и тот же сон — о том, как он покидает деревню. Во сне они с Чжоу Ци жили простой жизнью: вставали с рассветом, отдыхали с закатом, купили землю, построили дом. Во дворе мелькали размытые фигуры людей; все вместе собирали хурму

с дерева, шумели, смеялись — было очень оживлённо. Он видел, что стал выше, светлее, чаще улыбается, стал более открытым. И когда Чжоу Ци смотрел на него — на его лице тоже была улыбка.

И правда — какой хороший сон.

Он лениво, с удовлетворением потянулся — и нащупал что-то рукой.

Открыв глаза и повернув голову, он увидел: на подушке у его кровати лежит ещё одна голова. Тело у того было высоким, плечи широкими — даже лежа прямо, он едва помещался на узкой кровати. Сам Хэ Бянь оказался словно зажат между человеком и стеной, свернувшись в тесном промежутке. Но отодвинуться дальше он не мог — их руки всё ещё были крепко сцеплены.

Это было почти тем самым укрытием, о котором он мечтал даже во сне — тесным, закрытым, только его собственным. Только вот вместо запаха трав и цветов вокруг было всё пропитано запахом другого мужчины.

Хэ Бянь чуть дрогнул ноздрями, закрыл глаза, ресницы слегка затрепетали... Такой спокойный, надёжный запах.

Осознав, что он делает, он тут же вспыхнул — лицо, ещё затуманенное сном, мгновенно налилось жаром.

Он осторожно попытался разжать их пальцы, чтобы высвободить свою руку, но пальцы онемели и не слушались. От этого едва заметного движения Чжоу Ци сразу открыл глаза.

Увидев, что лицо Хэ Бяня покраснело и словно горит, он нахмурился:

«Простудился?»

Только что спокойный Хэ Бянь, словно испуганный заяц, тут же вскочил с кровати. Заметив, что Чжоу Ци хочет дотронуться до его лба, он, едва удерживаясь в соломенных сандалиях, поспешно отступил на несколько шагов:

«Н-нет, нет, брат Чжоу Ци!»

Чжоу Ци ему не поверил, сразу встал и шагнул к нему. Хэ Бянь растерялся и не успел среагировать, как тот уже обнял его одной рукой. Сверху раздался его недоумённый голос — он коснулся его лба:

«Почему кажется, что стало ещё горячее?»

Хэ Бянь в одно мгновение опустел в голове. Ноги, не доставая до земли, беспокойно подскакивали. Мир резко стал выше — ему ничего не оставалось, кроме как крепко вцепиться в плечи Чжоу Ци.

Такое близкое расстояние, что они почти смотрели друг другу в глаза. Казалось, даже кончики носов вот-вот соприкоснутся. Он чуть отвернул лицо, но дыхание Чжоу Ци всё равно касалось его щеки.

Чжоу Ци нахмурился и, положив руку ему на грудь, произнёс:

«Почему сердце так быстро бьётся?»

Хэ Бянь чуть не потерял сознание.

И в этот момент запах из кухни буквально спас его — аромат еды, тёплый и знакомый, словно вытащил его из удушья. Хэ Бянь резко пришёл в себя и выдохнул:

«Я... я просто голодный».

Чжоу Ци знал: люди хрупкие, но иногда удивительно живучие — и что нет ничего, что нельзя было бы решить тарелкой горячей еды.

Они оделись. Хэ Бянь, с лицом всё ещё пылающим, вышел к столу.

Чжан Мэйлинь и Тянь Ваньсин ничего не заметили — они вообще не решались смотреть на него, думая лишь о том, что он наверняка не спал всю ночь. Снаружи всё ещё лил нескончаемый дождь, и им казалось, что Хэ Бянь вот-вот сорвётся на них от раздражения.

Когда трапеза спокойно закончилась, Чжан Мэйлинь и её сын наконец вздохнули с облегчением. Хэ Бянь тоже — Чжоу Ци наконец перестал задавать вопросы.

После еды он не вышел из дома. Он понимал: сегодня к нему обязательно придут деревенские.

И ему нужно найти способ справиться с этим.

Нетрудно было догадаться — сейчас Тянь Дэфа уже подстрекает людей, называя его обманщиком, утверждая, что он снова "играет в пророка" и морочит всем голову.

Но он не должен торопиться. Всегда найдётся способ всё решить.

Чжан Мэйлинь, закончив с делами, посмотрела на свинцово-чёрный ливень и поспешно велела Тянь Ваньсину сходить на поле и проверить урожай.

Тянь Ваньсин отказался, сказав, что в такой ливень легко подхватить простуду и даже лишиться жизни, а рисковать жизнью ради урожая — глупость. Стоило ему произнести слово "глупость", как он тут же замолчал, охваченный тревогой: хорошо ещё, что Хэ Бянь ушёл в главную комнату, иначе тот снова бы отругал его и запретил произносить эти слова.

Чжан Мэйлинь обрушилась на него с упрёками, назвав его человеком с завышенными ожиданиями и пустой головой — мол, рано или поздно он с голоду умрёт. Она добавила, что он весь в своего отца, плотника Тяня: в душе презирает "эти три с половиной жалких урожая". А она с детства работала на земле и знает: посевы — это жизнь.

В конце концов она, раздражённая и злая, не выдержала и пару раз пнула сына, накинула соломенный плащ и сама вышла проверить поля.

Утренний свет был полностью поглощён густыми чёрными дождевыми потоками. Даже Чжан Мэйлинь, выйдя рано утром, почувствовала страх. Глядя на этот мрачный ливень, она ощутила тревогу — будто небо предвещало бедствие.

Она шла, как муравей в бескрайнем и жестоком потоке дождя. По пути встречала других деревенских, и человеческое присутствие должно было бы немного успокоить её, но легче не становилось: губы были крепко сжаты, в глазах — глубокий страх и беспокойство.

По дороге она видела, как поля риса размывает и прорывает потоком. У участков у канав особенно пострадали посевы — огромные куски земли были смыты, половина всходов вырвана

с корнем и теперь плавала на мутной желтоватой воде.

На межах поля стебли бобов, доходившие почти до колен, не были смяты, но сами межи осыпались — шесть из десяти уже обвалились. Огород даже не стоило упоминать: баклажанные кусты повалило набок, как попало, а что уж говорить о кукурузных полях.

Всё лежало сплошным ковром.

По дороге она видела лишь знакомые лица. Из-за шума дождя и ветра невозможно было разобрать слов, но было видно, как люди широко раскрывают и снова закрывают рты в спешке, как вода стекает по их лицам, не скрывая отчаяния и тревоги в глазах. Ни у кого не было даже соломенного плаща — мокрая одежда липла к телу, люди, сжимая мотыги, поднимали кукурузу, подсыпали землю, укрепляли стебли.

Чжан Мэйлинь больше не могла думать ни о страхе, ни о грозе. Увидев, в каком бедственном положении оказались все, она только и думала, что о своём участке, и почти бегом устремилась туда.

В сердце у неё лишь одно: пусть боги окажут милость — ведь они же укрепили землю и корни!

И действительно: среди гор и полей только их кукурузное поле стояло ровно. Листья — сочные, зелёные, как острые серпы — не рвались под ударами ливня. Хотя часть стеблей тоже полегла, по сравнению с другими семьями это было несравнимо лучше.

Хэ Бянь... он действительно оказался прав.

Он действительно настолько способен...

Стоило этой мысли мелькнуть у неё в голове, как Чжан Мэйлинь поспешно сложила руки в поклоне, испугавшись собственной "непочтительности", и мысленно попросила прощения.

Обратный путь она уже шла почти с радостью. Картины бедствия, увиденные по дороге, больше не тревожили её — в конце концов, те, кто не слушал Хэ Бяня, сами виноваты в том, что их урожай погиб.

Проходя мимо дома Тянь Дэфа, она издали увидела, как со всех сторон к нему стекаются люди. Сквозь шум ливня доносились обрывки криков, полные гнева. Невозможно было разобрать, кто именно говорит, но и так было ясно: Тянь Дэфа наверняка воспользуется ситуацией, чтобы заявить, будто Хэ Бянь ошибся, назвав его "каким-то там чудо-провидцем" и обманщиком.

Чжан Мэйлинь быстро направилась к дому Тянь Дэфа и действительно издали увидела, как тот с суровым видом, будто старший в роду, говорил:

«Смотрите сами, Хэ Бянь хоть и угадал с этим ливнем, но с его "сроками" он ошибся. Всё это он выдумал наугад».

«Этот Хэ Бянь с детства был трусоватым, все думали — тихий и честный, а на деле, оказывается, внутри у него полно грязных замыслов. Теперь он вас всех обвёл вокруг пальца! Пойдёмте со мной — разберёмся с ним, выясним, что у него за намерения, зачем он вам так мстит. Это просто неблагодарный волк, которого вырастила наша деревня Тянь!»

Сказав это с негодованием, он заметил Чжан Мэйлинь и тут же хотел её окликнуть. Но она

сплюнула:

«Хочешь умереть — не тяни меня за собой».

Тянь Дэфа посмотрел, как она быстро ушла, и с раздражением бросил:

«Посмотрите на неё — Хэ Бянь уже совсем её запутал. Умный-то Тянь Муцзян, а жену себе выбрал такую бесполезную и никчёмную — позор предкам. Вот вернётся Тянь Муцзян, он разберётся и с этой женщиной, и с Хэ Бянем».

Чжан Мэйлинь, не раздумывая, под проливным дождём бросилась домой. Соломенная шляпа съехала набок, но она даже не поправляла её — ей нужно было срочно сообщить новость.

«Хэ Бянь, Хэ Бянь, плохо дело!» - задыхаясь, закричала она, вся мокрая и растрёпанная. «Этот старый Тянь Дэфа привёл к тебе людей, они идут тебя допрашивать!»

Хэ Бянь спокойно взглянул на неё:

«Я знаю».

Но столько людей... вдруг они действительно начнут драку? Чжан Мэйлинь, увидев его спокойствие, неожиданно сама немного успокоилась — будто у него уже есть план.

Однако, когда она вошла в дом, выражение лица Хэ Бяня больше не было спокойным — в его глазах мелькнула тревога.

Он и сам не понимал, почему в этой жизни продолжительность ливня изменилась.

Сейчас ущерб от дождя стал куда серьёзнее. Тянь Дэфа наверняка воспользуется этим, чтобы разжечь людей. Тот хрупкий уровень доверия, который он едва успел завоевать у деревенских, может рухнуть в одно мгновение. А дальше — толпа, обвинения, крики, что он мошенник... и даже вызов в родовой зал для наказания.

Чжоу Ци, увидев, что Хэ Бянь дрожит от тревоги, не находил себе места. Тот даже прикусывал пальцы, пытаясь заставить себя успокоиться.

Чжоу Ци взял его руку и направил в неё поток духовной силы. Сердцебиение Хэ Бяня тут же стало ровнее, тревога постепенно отступила.

Чжоу Ци сказал:

«Деревенские должны тебе верить. Многие в деревне относятся к тебе с почтением. Каждый раз, когда приносят рис — он самый свежий, овощи — самые нежные. И смотрят на тебя с уважением и благоговением».

Хэ Бянь ответил:

«Это не почтение. Они просто боятся меня. У них совесть нечиста, им от меня что-то нужно. Но как только они поймут, что я ошибся... всё это "уважение", построенное на выгоде, исчезнет. И они все набросятся на меня».

Его брови сошлись в жёсткую линию, в глазах проступили скрытая враждебность и страх. Чжоу Ци невольно протянул руку и коснулся его межбровья, медленно произнеся:

«Возможно, на этот раз всё будет иначе».

Они не успели договорить, как снаружи, под шум ливня, слышались тяжёлые, беспорядочные шаги и шум голосов. По ярости в криках было ясно — деревенские пришли с гневом.

Когда Хэ Бянь, сделав глубокий вдох, вышел под навес, он увидел толпу людей, ворвавшихся во двор.

И они... привели Тянь Дэфа?

Хэ Бянь удивился.

Он не ошибся: Тянь Дэфа был связан по рукам и ногам, его держали несколько крепких мужчин.

«На колени!» - раздались крики. «Всё из-за тебя, Тянь Дэфа! Ты не уважал предков, не верил Хэ Бяню — вот почему предки разгневались и продлили ливень!»

Уголки губ Хэ Бяня чуть приоткрылись, но он быстро снова стал холодно-непроницаемым.

Он не ожидал, что можно повернуть ситуацию таким образом.

Чжан Мэйлинь, увидев происходящее, сразу подумала: конечно же, Хэ Бянь — настоящий провидец. Неудивительно, что он так спокоен — он всё уже просчитал заранее.

Однако сам Хэ Бянь был далеко не так спокоен, как казалось Чжан Мэйлинь. Когда он увидел, что толпа тащит связанного Тянь Дэфа, его сердце сжалось.

Если они сейчас начнут просить его остановить дождь... он этого просто не сможет сделать.

Оставался только один выход — бежать.

<http://bllate.org/book/17226/1617183>